

Культура. - 2002 -
6 - 13 ноября - с. 12

Уроки родной истории

Пособие для юношества, агностиков и вообще

Мы продолжаем публикацию цикла эссе известного писателя Вячеслава ПЬЕЦУХА (начало см. в №№ 35, 36, 38, 39, 43)

В. Пьецух

В. Пьецух
ный материал в нечто нервно-романтическое, неуравновешенное, сострадательное, вдумчивое, добродушное и беспутное, каковые качества нежданно-негаданно слагаются в причудливую сумму, и та проходит у нас под ласковым термином – русачок.

Любопытный вопрос: почему ни одна из коренных реформ в России не задалась? Преобразования Петра Великого имели своей целью систему всеобщего благоденствия; Екатерина II стремилась упразднить крепостное право; Александр Благословенный желал конституционной монархии; Александр Освободитель налаживал государственную миссию, за которую не совестно было перед европейской цивилизацией; Петр Аркадьевич Сталинский мечтал поднять производительность сельскохозяйственного труда; наконец, большевики грезили о таком обществе, где все были бы единой души, одинаково обеспечены и равны. И вот все эти пожелания постепенно сошли на нет. Спрашивается, почему?

Видимо, потому, что наши реформаторы в конце концов упирались в одну и ту же нерушимую стену – в такую форму человеческого сознания, когда повелительнее даже физиологии оказываются национальный характер и предания старины. Вообще правильные реформы возможны только у тех народов, которые, к посрамлению великой христианской идеи, блюдут институт частной собственности, у которых она священна и неприкосновенна, как захоронения праотцов. Собственники организованы, последовательны и всегда знают, чего хотят. Оттого преобразователи у них исходят из возможного, а не из желательного, и преобразования имеют грамотную программу, которая всегда обеспечивает задуманный результат. А у нас с Рюрика собственность – понятие в высшей степени отвлеченное, академическое, поскольку огромное большинство русских людей этой собственности никогда не имело, и в несравненно большей цене была воля, то есть ничем не ограниченная возможность не пахать, а безобразничать или не безобразничать, а пахать.

Оттого-то все наши реформы сошли на нет. Как же ты наладишь систему всеобщего благоденствия, когда Меншиков ворует, Мазепа предаёт, Булавин безобразничает, Брюс интригует, Аввакум подговаривает народ к коллективным самоубийствам во имя старозаветной, дониконовской ритуальности, жена изменяет с полковниками, собственный сын норовит тебе всячески

навредить... Как тут повысить производительность сельскохозяйственного труда посредством уничтожения крестьянской общины, если столоначальник украл подъемные деньги, урядник пролил общественное стадо, бедняк желает подлустить процветающему соседу "красного петуха"...

Таким образом, исторический материализм, вполне приложимый к германским условиям хозяйствования, становится лжеучением на российской почве, где не столько бытие определяет сознание, как сознание – бытие.

Кажется, основной элемент великорусского общества – дилетант. То есть деятель с претензиями, но слишком широко и неосновательно образованный, наделенный массой разнообразных дарований, но беспочвенный энтузиаст, не умеющий сосредоточиться на одном. Недаром у нас химики сочиняли музыку, профессиональные писатели составляли религиозные учения, прямые разбойники входили в государственный аппарат.

Конкретный пример: при Алексее Тишайшем три четверти России сидели на соленой рыбе, но правительство, точно и слыхом не слышавшее про эту специфику, вдруг ввело непомерный соляной налог, и

огромная нация встала перед шекспировским вопросом – жить ей или как раз не жить? Другой конкретный пример: правительство Екатерины Великой планировало освободить южных славян от османского ига и превратить Польшу в дружественно-буферное государство, однако в результате титанических усилий крымские мусульмане были освобождены от мусульман анатолийских, а большую часть Польши за здорово живешь прибрали к рукам германцы, и она вовсе перестала существовать.

Наконец, последний конкретный пример, связанный с нелепым в филологическом отношении понятием – декабризм. Семь лет обер-офицеры и коллежские регистраторы из молодежи честного направления наяривали заговор против русского абсолютизма – писали конституции, пропагандировали войска, сходились и расходились, составляли план вооруженного восстания, но когда дошло до дела, то оказалось, что словно они споворились позавчера. В результате шесть часов простояли солдатики на морозе в одних мундирах, и единственным истинно революционным актом со стороны повстанцев был выстрел несчастного влюбленного Каховского, который застрелил генерала Милорадовича, героя 1-й Отечествен-

ной войны. И правительство, со своей стороны, знало о заговоре за три года, однако же сабли оказались не отпущены, лошади подкованы на летние, нешипованные подковы, артиллерийский порох забыли взять.

Так продолжалось до тех пор, пока в мире не осталось только двух непогрешимых конгрегаций – Римской католической церкви и наших большевиков. Эти последние были такие профессионалы, что пух и перья полетели от вековых институций, верований и, казалось бы, неколебимых законов социального бытия. Поскольку от любителей всегда меньше вреда, чем от профессионалов, наверно, это даже отлично, что основной элемент великорусского общества – дилетант.

Государь Николай Павлович был человек благородный, прямой, с традициями и, кроме того, хороший инженер, но из породы домашних тиранов, который еще и трактовал Россию как чисто семейное дело, вроде родового поместья или пошивочной мастерской.

Но самое удивительное его качество было то, что глава самого блестящего двора в Европе отличался крайней скромностью в быту и был неприязнителен во всем, что касалось обыкновенных житейских благ. Царица Елизавета Петровна оста-

вила после себя до пятнадцати тысяч платьев, стоивших казне больше, чем тогдашний российский флот, а Николай Павлович занимал в Зимнем дворце две комнаты в антресольном этаже, спал на железной походной койке и укрывался солдатской шинелью, ходил дома в тапочках с дырками против больших пальцев ног, в рабочие часы надевал мундир второго срока, ел щи с говядиной, держал сыновей, что называется, в черном теле и только по женской линии был ходок.

Но вот поди ж ты: о царице Елизавете Петровне складывается самое благоприятное впечатление, хотя она любила балы и не любила государственные дела, а государя Николая Павловича только в связи с тем и поминуют добрым словом, что он заплатил долги Александра Сергеевича Пушкина, хотя этого государя отличали беззаветная работоспособность и стоицизм.

А! – скажут через четыреста лет, не подозревающие о его победах в Польской и Венгерской кампаниях, двенадцати тысячах кодифицированных законов, начале железнодорожного строительства в России, но отлично знающие, что нужно бояться вождей, особенно скромных в быту. – Это тот самый царь, который заплатил пушкинские долги...

В допетровскую эпоху неканоническую литературу сжигали на костре, кто ее сочинял. Анна Иоанновна еще презирала изящную словесность. Но Елизавета Петровна уже щедро награждала создателей верноподданнических од, а Екатерина Великая, как за серьезное государственное преступление, упекла в Шлиссельбургскую крепость просветителя Новикова за книгоиздательство и таможенного чиновника Радищева – в Илимский острог за книгу путешествий и злостный сентиментализм. Когда лейб-гусар Михаил Лермонтов написал стихотворение на смерть Александра Сергеевича Пушкина, его за это послали на гауптвахту, а после выслали на Кавказ.

Такого домашнего отношения к литературе не знала ни одна европейская государственность, затем что ей не было дела ни до категорического императива Иммануила Канта, ни до детских сюжетов Дюма-отца. А нашей – было, до такой степени было, что она в конце концов ввела своеобразную крепостную зависимость для писателей на основе социалистического реализма, ибо опасалась дужинных исканий Константина Леонидовича Наркина с присисками классового врага.

Разумеется, диссидентские лампаши нашей государственности одобрить нельзя, но, с другой стороны, понятно, почему она мелочно и с пристрастием следила за литературным процессом в России и несообразно реагировала на каждый выпад с этой, по европейским понятиям, нестоящей стороны. Впервые, потому, что она как-то постигла огромное значение литературы как формы общественного сознания, преследующего некий чреватый для нее и загадочный идеал. Во-вторых, потому, что она угадала алгоритм собственно русской литературы, меньше всего занятой адекватным отражением действительности, а больше –

глубинами правды о человеке, которые намекают не прямо опасную, антигосударственную модель. В-третьих, потому, что каждый русский правительством отлично понимало, с каким народом имеет дело: с таким народом, который способен воспринимать художественный текст как инструкцию по технике безопасности, особенно чувствителен к духовному слову и одинаково остро интересуется как исканиями Константина Леонидовича, так и причинами скотского падежа. Наконец, наша государственность чувствовала за собой эту слабину, что она – государственность варварская, по определению Ключевского, "какой-то заговор против народа", и сочувствовать ей нельзя.

Вот уже лет пятнадцать, как власть предрекшая отстала от русской литературы и она перешла на положение жостовского письма. Хорошо это или худо – не разберешь. Вроде бы хорошо, потому что никто не мешает вывести в рассказе лишнего дурака, но вроде бы и плохо, потому что нынешнему писателю другой раз не в чем отправиться со двора.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

(Окончание следует)